

HOUSE
OF SALT
AND
SOR-
ROWS

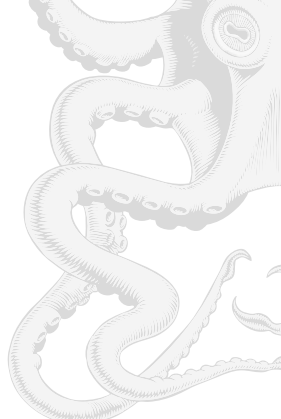
Erin A. Craig

ДОМ
СОЛИ
И
ПЕЧАЛИ

Эрин А. Крейг

*С огромной любовью посвящаю эту книгу
моим бабушке и дедушке — Фиби и Уолтеру,
которые всегда говорили, что я стану писатель-
ницей. Я так рада, что они оказались правы!*

ПЛАМЯ СВЕЧИ ОТРАЖАЛОСЬ в серебряном якорю на ожерелье моей сестры. Уродливое украшение — Эулалия никогда бы не выбрала такое. Ей нравились простые золотые цепочки и причудливые бриллиантовые кольца. Точно не это. Видимо, выбирал папа. Я растерянно перебирала свои бусы из черного жемчуга: может, стоит все-таки надеть на нее что-то более элегантное? Но я едва успела потянуться к застежке, как сестру окружили носильщики и захлопнули крышку гроба.

— Мы, Люди Соли, предаем это тело морю, — объявил Верховный Мореход, и деревянный ящик соскользнул в глубокую кришту*.

Края темной бездны, поглотившей Эулалию навсегда, поросли лишайником; я старалась не смотреть туда и не думать о сестре, которая еще несколько дней назад жила, дышала и излучала тепло, а теперь обрела вечный покой. Я отгоняла от себя мысли о том, как тонкое дно гроба будет набухать от воды и соли, пока не провалится, и тело Эуалии не затеряется в морских глубинах под нашей семейной усыпальницей.

Я попыталась заплакать. Я знала, что от меня ждут слез, но вместе с тем понимала, что сейчас их не будет. Они придут позже, может быть сегодня вечером,

* Крипта — подземное помещение, часть храма, служащая для погребения. (*Примеч. ред.*)

когда я буду проходить мимо ее спальни и увижу черную ткань, закрывающую зеркала во всю стену. Эулалия очень любила свои зеркала.

Эулалия. Самая красивая из моих сестер. Она любила посмеяться: ее алые губы всегда улыбались, а ярко-зеленые глаза были готовы лукаво подмигнуть. Вокруг нее постоянно вились многочисленные поклонники — еще до того, как она стала старшей дочерью в семье Фавмантов* и наследницей всего папиного состояния.

— Мы рождены от Соли, мы живем Солью, и мы возвращаемся в Соль, — продолжал Верховный Мореход.

— Во имя Соли! — вторили ему собравшиеся.

Папа сделал несколько шагов и положил два золотых слитка у подножия крипты — плата Понту**, чтобы путь моей сестры в море был легким. Я осмелилась поглядеть по сторонам: в усыпальнице собрались многочисленные гости, облаченные в свои лучшие одежды из черной шерсти и крепа; многие из них когда-то мечтали завоевать сердце Эулалии. Наверное, ей было бы приятно узнать, что столько молодых людей сокрушается и открыто оплакивает ее смерть.

— Аннали, — прошептала Камилла, легонько толкнув меня локтем.

— Во имя Соли, — пробормотала я и промокнула платком выступившие слезы.

Мое сердце ждалось от папиного неодобрительного взгляда. Глаза отца наполнились слезами, а гордо

* Фавмант (также Тавмант, др.-греч. Φαύμας) — в древнегреческой мифологии бог морских чудес. (Здесь и далее — примечания переводчика, если не указано иное.)

** Понт (др.-греч. Πόντος) — в древнегреческой мифологии бог внутреннего моря.

вздернутый нос покраснел, когда Верховный Мореход выступил вперед с чашей из раковины абалона*, наполненной морской водой. Он опустошил сосуд, оросив водой гроб Эулалии: эта часть церемонии символизировала начало разложения. Затем Верховный Мореход погасил свечи, расположенные по краям каменного колодца, и служба завершилась.

Папа обернулся к собравшимся гостям, в его темных волосах ярко выделялась широкая белая прядь. Разве она была вчера?

— Спасибо, что пришли помянуть мою дочь Эулалию. — Отец привык смело и открыто обращаться к придворным лордам, но сейчас его зычный голос неуверенно дрогнул. — От имени нашей семьи я приглашаю вас в Хаймур, чтобы вместе вспомнить, какой она была при жизни. Будет еда, напитки и... — Отец откашлялся. Сейчас он скорее напоминал заикающегося клерка, нежели девятнадцатого герцога Соленых островов. — Думаю, Эулалия бы очень обрадовалась, если бы вы пришли.

Коротко кивнув, отец завершил свою речь. Он был бледен как полотно. Мне очень хотелось хоть немного утешить папу, но Морелла — моя мачеха — уже стояла рядом и держала его под руку. Они поженились всего несколько месяцев назад и все еще могли бы наслаждаться жаркими благословенными днями совместной жизни.

Сегодня Морелла впервые оказалась в семейном мавзолее Фавмантов. Интересно, как она чувствовала себя под пристальным взглядом мемориальной статуи моей матери? Скульптор использовал в качестве образца свадебный портрет мамы, передав холодному серому мрамору сияние юности. Хотя море приняло

* Абалон — род моллюсков. (*Примеч. ред.*)

ее тело много лет назад, я по-прежнему приходила в мамину усыпальницу каждую неделю и рассказывала о своих переживаниях, словно она могла меня услышать.

Статуя мамы была самой высокой в мавзолее и возвышалась над гробницами моих сестер. Надгробие Авы обвивали ее любимые цветы — розы. За летние месяцы яркие розовые цветки стали пухлыми, как чумовые пустылы, унесшие ее жизнь, когда ей было всего лишь восемнадцать.

Через год умерла Октавия. Ее тело было обнаружено у подножия высокой библиотечной лестницы с неестественно изогнутыми руками и ногами. Ее усыпальницу украшала открытая книга с цитатой на вайпанском языке, читать на котором я так и не научилась.

После того как на нашу семью обрушилось столько горя, смерть Элизабет казалась неизбежной. Ее нашли в ванне, всплывшей на поверхность, как коряга в открытом море, разбухшей от воды и абсолютно белой. Слухи из Хаймура быстро дошли до поселений на соседних островах — от кухарок к конюхам, от торговцев рыбой к их женам, которые в свою очередь стали запугивать непослушных детей. Некоторые говорили о самоубийстве. Другие — а их было гораздо больше — решили, что мы прокляты.

В качестве статуи для Элизабет выбрали птицу. Предполагалось, что это будет голубь, но из-за неверных пропорций она скорее напоминала чайку. Что ж, вполне подходящий символ для Элизабет: она всегда мечтала улететь. А что же будет у Эулалии?

Когда-то нас было двенадцать: Фавмантова дюжина. А теперь осталось всего восемь, и я не могла избавиться от мысли, что злое щие слухи вокруг нашей семьи на самом деле правда. Может, мы прогневали

богов? Может, тьма пришла в нашу семью и забирает нас по одному? Или это просто цепь ужасных и несчастливых случайностей?

После службы толпа разделилась, и гости начали собираться вокруг нас, выражая сдержанные соболезнования. И тут я заметила, что многие из них стараются не подходить слишком близко. Почтительное отношение к чужому горю или страх «заразиться»? Я уже хотела списать это на глупые предрассудки, но затем ко мне подошла одна из дальних тетушек, едва заметно улыбаясь своими тонкими губами, и я увидела в ее глазах тот же вопрос, который не давал мне покоя: кто следующий?

ВСЕ ОТПРАВИЛИСЬ НА ПОМИНКИ, а я решила ненадолго задержаться в мавзолее: хотелось попрощаться с Эулалией наедине, без посторонних глаз. Тем временем Верховный Мореход забрал чашу, свечи и соленую воду, необходимые для погребального обряда, а также две монеты, оставленные моим отцом. Но прежде чем ступить на тонкую тропинку, ведущую к берегу, и удалиться в свою одинокую обитель в самой северной точке острова Селкирк, жрец остановился передо мной. Слуги запечатали гробницу, сложили над криптой кирпичи, густо промазанные цементом, и бурлящие воды скрылись из виду.

Верховный Мореход поднял руку — как мне показалось, для благословения. Однако в его жесте было что-то отторгающее, будто он пытался защитить... себя от меня.

Когда крипта опустела, воздух стал значительно прохладнее и окутал меня, словно мантия. Тошнотворно-сладкий аромат благовоний все еще витал в усыпальнице, но не мог перебить острого запаха соли. Здесь, на острове, вкус моря ощущался везде. Каменщики тяжело выдохнули, водрузив на место последний кирпич, и шум волн под криптой совсем утих. Теперь я осталась совсем одна.

На самом деле наша крипта была самой обычной пещерой, если не считать одной особенности: под ней протекала широкая пресноводная река, которая

уносила тела почивших Фавмантов в море. Каждое поколение привносило что-то свое в устройство фамильной усыпальницы: сначала место для погребального обряда украсили резьбой по камню, затем расписали потолок, изобразив золоченые звезды на ночном небе. Каждый ребенок в семье Фавмантов начинал разбираться в созвездиях еще до того, как впервые брал в руки букварь. При моем прапрадедушке в крипте стали возводить каменные гробницы. На похоронах Элизабет (а это было еще более мрачное действие, чем в случае Эулалии, ведь Верховный Мореход недвусмысленно намекал на самоубийство) я считала таблички и статуи в пещере, чтобы скоротать время. Как скоро гробницы полностью заполнят это священное место и не оставят места живым? Когда я умру, мне не нужен никакой памятник. Неужели вечный сон двоюродной бабушки Кларетты стал более приятным оттого, что ее каменным бюстом любуются все последующие поколения Фавмантов? Нет уж, спасибо. Просто столкните меня в море и верните обратно в Соль.

— Сегодня здесь было много молодых людей, — сказала я, присев рядом со свежей кирпичной кладкой.

По правде говоря, я не знала, зачем они снова замуровали это место. Как скоро снова придется ломать каменный пол, чтобы отправить в последний путь одну из моих сестер?

— Себастьян и Стефан, братья Фитцджеральда, Генри, старшина из Васы. Еще Эдгар.

Было очень непривычно вести с Эулалией такой односторонний разговор. Обычно она затмевала всех в любой беседе. Ее причудливые и невероятно остроумные истории всегда вызывали восхищение слушателей.

— Думаю, они плакали больше всех. Может, ты хотела увидаться с кем-то из них той роковой ночью?

На мгновение я замолчала и представила, как Эуалия идет по скалистой дорожке в свободной ночной рубашке, украшенной кружевом и лентами: белая, словно лепестки лилии, кожа отлиывает синевой в свете полной луны. Без сомнений, она постаралась бы выглядеть особенно мило, если бы собиралась на тайное свидание с возлюбленным.

Когда рыбаки нашли ее искалеченное тело на прибрежных скалах, они ошибочно приняли его за выбросившегося на берег дельфина. Если жизнь после смерти действительно существует, надеюсь, Эуалия никогда об этом не узнает. Она не пережила бы такого позора.

— Ты оступилась и упала? — Мои слова эхом отозвались в пустынной крипте. — Или тебя столкнули?

Вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успела подумать. Мы совершенно точно знали, как погибли остальные сестры: Аву унесла болезнь, с Октавией вечно что-то случалось, даже Элизабет... Судорожно вздохнув, я сжала складку юбки из толстой колючей черной шерсти. Она так тяжело переживала смерть Октавии! Мы все скорбели об утратах, но больше всех страдала Элизабет. С Эуалией в момент смерти никого не было. Никто не видел, как она погибла. Видели лишь ужасный исход.

Что-то капнуло мне на нос, потом на щеку, а в следующее мгновение в крипту начали стекаться ручейки. Видимо, пошел дождь. Даже небо сегодня оплакивало Эуалию.

— Я буду скучать.

Я закусил губу. Вот теперь слезы пришли сами. Я почувствовала жжение в глазах и разрыдалась. Я провела пальцами по букве «Э», изящно выгравированной

на камне: хотелось так много сказать, выплакать свое горе, свою беспомощность, свою злость. Но ничто уже не поможет вернуть мою сестру.

— Я... я люблю тебя, Эулалия, — прошептала я и покинула темную пещеру.

Снаружи уже бушевал шторм, взбивая волны в белую пену. Семейная крипта находилась на дальней оконечности Иглы — мыса на острове Сольген, вдававшегося в море. До дома было не меньше мили, и никто не позаботился о том, чтобы оставить для меня экипаж. Я откинула черную вуаль и пошла пешком.

* * *

— Ты ничего не забыла? — спросила Ханна, наша горничная, прежде чем я присоединилась к гостям.

Я остановилась, почувствовав на себе материнский взгляд пожилой женщины. Мне пришлось сразу переодеться по возвращении домой: я промокла до нитки, но совершенно не собиралась умереть от простуды — будь мы прокляты или нет.

Ханна держала в руках длинную черную ленту и выжидательно смотрела на меня. Тяжело вздохнув, я позволила повязать ее на запястье, как и в предыдущие разы. Когда в дом приходила смерть, нужно было носить черную ленту, чтобы не последовать за близким человеком. В нашей семье несчастья происходили настолько часто, что сердобольные слуги стали повязывать ленты даже кошкам, лошадям и цыплятам.

Ханна сделала мне красивый бант, прекрасно смотревшийся бы в любом другом цвете. Весь мой нынешний гардероб состоял из траурной одежды, каждое платье было темнее предыдущего. С тех пор как

шесть лет назад умерла мама, я не носила никаких цветов светлее угольно-серого.

На этот раз Ханна выбрала атласную ленту, а не колючую бумазею, как на похоронах Элизабет. Тогда на наших запястьях остались красные следы, которые беспокоили еще несколько дней.

— Я бы предпочла остаться здесь с тобой, если честно, — заметила я, поправив манжету. — Никогда не знаю, что говорить в таких случаях.

Ханна потрепала меня по щеке:

— Чем быстрее ты пойдешь туда, тем быстрее все закончится.

Она улыбнулась, и взгляд ее карих глаз потеплел.

— Я позабочусь о том, чтобы перед сном тебя ждал чайничек коричневого чая.

— Спасибо, Ханна. — Я обняла горничную и вышла из комнаты.

Когда я вошла в Синюю гостиную, ко мне тут же подскочила Морелла.

— Сядь со мной. Я никого здесь не знаю, — призналась она и повела меня к дивану, стоящему у высокого окна с толстой рамой.

Хотя стекла были усыпаны капельками дождя, из окна открывался прекрасный вид на скалы. Странный выбор места для проведения поминок: отсюда можно было увидеть то самое место, где разбилась Эулалия.

Я хотела присоединиться к сестрам, но огромные глаза Мореллы выражали отчаянную мольбу, и я не смогла отказать. В такие моменты особенно чувствовалось, что она гораздо ближе по возрасту к нам, чем к папе.

Никого не удивило, когда он снова решил жениться. Мама умерла много лет назад, но мы все знали, что он очень хотел хотя бы одного сына. Отец познакомился с Мореллой в Сусилли, когда был на большой

земле. Он вернулся из поездки под руку с невестой, совершенно очарованный и влюбленный.

Онор, Мёрси и Верити*, которых мы называли тремя грациями, были совсем малютками, когда мамы не стало, поэтому они с восторгом восприняли появление в нашей семье новой матери. Морелла раньше работала гувернанткой, поэтому с готовностью занялась воспитанием девочек. Мы с тройняшками — Розалией, Лигейей и Ленор — были рады за папу, а вот Камиллу передергивало каждый раз, когда кто-то принимал Мореллу за одну из двенадцати сестер Фавмант.

Мой взгляд упал на большую картину, почти полностью занимавшую одну из стен. Там был изображен разъяренный кракен**, увлекающий в темную бездну корабль. В Синей гостиной хранилось много морских сокровищ: на полке — семейство морских ежей, в углу на подставке — обросший ракушками якорь, а на всех остальных поверхностях, до которых можно было дотянуться, грации разложили свою коллекцию морских раковин.

— Эти службы всегда так проходят? — поинтересовалась Морелла, устраиваясь поудобнее на темно-синих бархатных подушках и расправляя свои юбки. — Такие серьезные и мрачные!

Я ошеломленно уставилась на нее:

— Вообще-то это были похороны.

Морелла убрала за ухо светлую прядь волос и нервно улыбнулась.

— Да-да, конечно, я имела в виду... почему обязательно в море? Не понимаю, почему нельзя было просто похоронить ее, как принято на большой земле?

* Мерсу — «милость», honour — «честь», verity — «истина» (англ.).

** Кракен — мифическое морское чудовище, огромный головоногий моллюск. (Примеч. ред.)

Я взглянула на папу. Он просил меня быть милой и объяснять ей наши обычаи. Я попыталась найти в себе хоть каплю сочувствия к мачехе.

— Верховный Мореход говорит, что наши острова и людей, живущих здесь, создал морской бог Понт. Он собрал соль океанских волн и смешал ее с хитроумием серой бычьей акулы и красотой лунной медузы. Затем добавил преданность морского конька и любопытство морской свинки. Когда у него получилась фигура с двумя руками, двумя ногами, головой и сердцем, Понт вдохнул в нее часть своей жизненной силы и сотворил Соленых людей. Поэтому, когда мы умираем, нас нельзя хоронить в земле. Попадая в воду, мы возвращаемся домой.

Мое объяснение, по-видимому, понравилось Морелле.

— Вот! Было бы мило рассказать что-то подобное на похоронах. А то... все о смерти да о смерти.

Я выдавила из себя улыбку:

— Ну... Это в первый раз так кажется. Потом привыкаешь.

Морелла потянулась ко мне и с серьезным видом накрыла ладонью мою руку.

— Мне ужасно жаль, что тебе пришлось увидеть так много похорон. Ты слишком юна, чтобы испытывать столько боли и страданий.

Дождь усилился, окутав Хаймур серой пеленой. Бушующее море играло огромными булыжниками у подножия утеса, словно маленький мальчик, перебирающий камушки в кармане. Камни с грохотом ударялись о скалы и порой заглушали раскаты грома.

— А что будет дальше?

Я моргнула и снова прислушалась к словам Мореллы.

— Что ты имеешь в виду?